

DOI: 10.25178/nit.2023.2.10

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Статья

**Травелогои в перспективе гендерного ориентализма
(по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной,
С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха)****Любовь Б. Четырова, Алексей С. Сахаров**

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

Статья посвящена сравнительному анализу травелогов в постколониальной оптике. Полученные результаты рассматриваются с точки зрения теории гендерного ориентализма. Материалом для исследования выступили тексты С. Р. Минцлова и его жены К. Д. Минцловой «Секретное поручение: путешествие в Урянхай» и «Далекый край: Путешествие по Урянхайской земле», посвященные совместно путешеству супругов в 1914 г. в Урянхайский край (современную Туву), а также работа Е. К. Верещагиной «Очерки путешествия в Гималаи» и книга Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», написанная во время трансгималайской экспедиции 1925–1928 гг.

Травелогои, будучи рассмотрены в постколониальной оптике, позволяют выявить новые идентичности и новые языки, отличные от колониального языка описания колонизированных культур и народов. Дается характеристика гендерного ориентализма, согласно которому подчиненное положение женщины в маскулинной культуре Запада определяет особенности ориенталистского дискурса, где она занимает промежуточное положение между колонизатором и колонизированным.

На этой основе выделяется антиколониальный аспект женских травелогов и дается сравнение с подобными мужскими текстами. Амбивалентность положения женщин-писательниц выражается в особенностях их феминного письма, гетеротипически замкнутого в маскулинном дискурсе колониализма, но тем не менее способного выразить антиколониальную направленность.

Ключевые слова: травелог; гендерный ориентализм; писательница; маскулинный; колониальность; этнографический; цивилизация; дикость; колониальный дискурс; постколониальные исследования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сахаров А. С. Травелогои в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сахаров Алексей Сергеевич — лаборант-исследователь НИЧ-90 Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Эл. адрес: saharovatlt@gmail.com

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34, Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SAKHAROV, Alexey Sergeevich, Research Assistant, Research Department 90, Samara University. Postal address: 34, Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. E-mail: saharovatlt@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1843-2445

ORIENTAL STUDIES

Article

Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich)

Lyubov B. Chetyrova, Alexey S. Sakharov
Samara University, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of travelogues in the postcolonial perspective. The results obtained are considered from the point of view of the theory of gender Orientalism. The materials for the case study comprised the texts written by Sergei R. Mintslov and his wife Kseniya D. Mintslova ("Secret Assignment: A Journey to Uriankhai" and "A Faraway Krai: A Journey through the Uriankhai Land") dedicated to the joint journey of the married couple to the Uriankhai Krai (today known as Tuva) in 1914, as well as the work of Elizaveta K. Vereshchagina ("Essays about a Journey to the Himalayas") and a book by Yuri N. (George Nicolas de) Roerich ("Along the Paths of Central Asia") written during the trans-Himalayan expedition of 1925–1928.

Being considered in the postcolonial aspect, travelogues make it possible to identify new identities and new languages that differ from the colonial language of describing colonized cultures and peoples. The authors define gender Orientalism, according to which the subordinate position of a woman in the masculine Western culture determines the features of Orientalist discourse, where she occupies an intermediate position between the colonizer and the colonized.

Thereupon, the anticolonial aspect of female travelogues is highlighted and a comparison with similar male texts is presented. The ambivalence of the position of female writers is expressed in the features of their feminine writing that is heterotypically enclosed in the masculine discourse of colonialism, but nevertheless able to express an anti-colonial perspective.

Keywords: travelogue; gender Orientalism; female writer; masculine; coloniality; ethnographic; civilization; savagery; colonial discourse; postcolonial studies

Financing

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01767
<https://rscf.ru/en/project/22-28-01767/>.

For citation:

Chetyrova L. B. and Sakharov A. S. Travelogi v perspektive gendernogo orientalizma (po materialam tekstov K. D. Mintslovoi, E. K. Vereshchaginoi, S. R. Mintslova i Yu. N. Roericha) [Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Введение

Травелогги, или литература путешествий, привлекают все больше внимания исследователей в самых различных областях: философии, истории, филологии и социологии. Особое место травелогги занимают в постколониальных исследованиях. Литература путешествий, а именно — в контексте данной статьи — записки европейцев о своих путешествиях по Азии, Африке и Америке¹, позволяют проследить историю становления европейской колониальности. Так, постколониальная оптика в изучении литературы путешествий позволила описать динамику изменения колониальных нар-

¹ Данное уточнение имеет смысл, поскольку, пусть и в значительно меньшем количестве, но существуют и травелоги уроженцев колоний, путешествующих по Европе. Например, книга Т. Н. Мукарджи — представителя колониальной индийской администрации — «Путешествие в Европу» посвящена официальному визиту чиновника в Лондон, совершенному в 1886 г. В своем травелоге автор описывает свои впечатления от британской столицы, прежде всего, с точки зрения комфорта и богатства жизни, а также промышленных достижений (Mukharji, 1889).

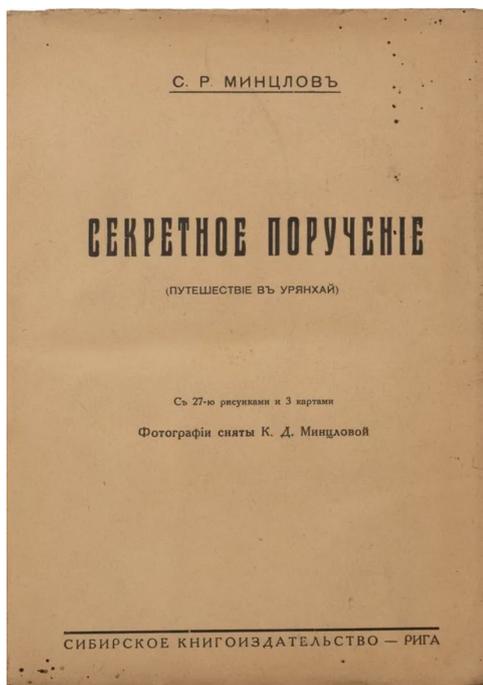

Фото 1. Обложка книги С. Р. Минцлова «Секретное поручение: путешествие в Урянхай».
Photo 1. The cover of S. R. Mintslov's book "Secret Assignment: A Journey to Uriankhai"

Фото 2. Обложка книги К. Д. Минцловой «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле».
Photo 2. The cover of K. D. Mintslova's book "A Faraway Krai: A Journey through the Uriankhai Land"

ративов от раннего Просвещения — с его установкой на тотальное покорение аборигенов — к зрелому, созерцательному и изучающему нарративу. Такая динамика удачно резонирует с общей тенденцией в западноевропейской литературе XVIII в. — сентиментальным и романтическим взглядом на этнического Другого (Пономарев, 2020).

В истории российского колониализма травелоги, или литература путешествий, несмотря на общую известность, остаются малоизученными. Мы попытаемся восполнить данный пробел, обратившись к рассмотрению травелогов, описывающих путешествия, целью которых был сбор информации для российского государства, реализующего свои внешнеполитические интересы, например, в Урянхайский край как территорию возможного колониального освоения.

Материалом для исследования выступили тексты С. Р. Минцлова¹ «Секретное поручение: путешествие в Урянхай»² (фото 1) и его жены К. Д. Минцловой «Далекий край: Путешествие по Урянхайской земле»³ (фото 2). Оба сочинения были написаны в 1914 г. и описывают их совместное путешествие в Урянхайский край (современную Туву)⁴.

¹ Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933) — офицер, затем чиновник. Известен как плодовитый писатель, историк-библиограф, археолог, участник этнографических экспедиций. Вначале получил военное образование, затем окончил Нижегородский археологический институт (1895). В 1914–1915 гг. как чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия Министерства земледелия Российской империи был послан в Урянхайский край для изучения природных ресурсов. Занимался там также археологическими и этнографическими изысканиями. В основу книги «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай» легли его путевые дневники. Минцлова Ксения Дмитриевна (1879–1950) — фотограф, писательница, вторая жена С. Р. Минцлова, в девичестве К. Бодиско. В книгу «Далекий край: Путешествие по Урянхайской земле» вошли дневники Минцловой, написанные во время поездки супругов в Урянхайский край в 1914 г.

² Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. 276 с.

³ Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград: Рассвет, 1915. 200 с.

⁴ Выбор травелога, описывающего Урянхайский край, объясняется тем, что одного из авторов данной статьи заинтересовал текст С. Р. Минцлова, посланного с секретным поручением сюда для сбора информации. Текст был использован для уточнения визуальной репрезентации тувинцев в начале XX в. (Сергеева, Четырова, 2022).

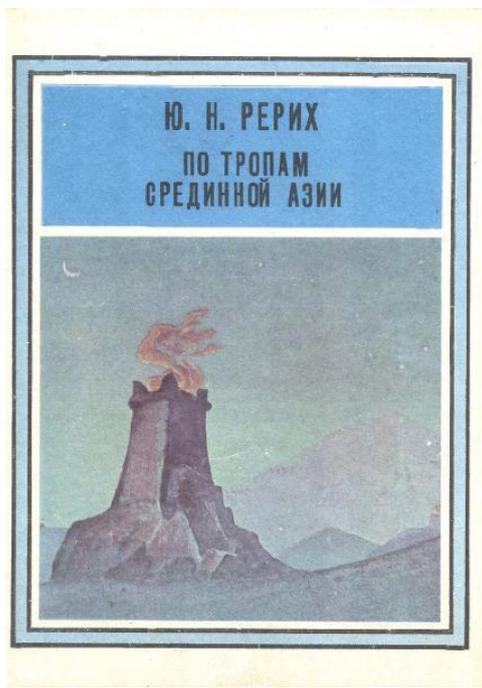

Фото 3. Обложка книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» (первого издания 1982 г.).
Photo 3. The cover of Yu. N. Roerich's book "Along the Paths of Central Asia" (the first edition of 1982)

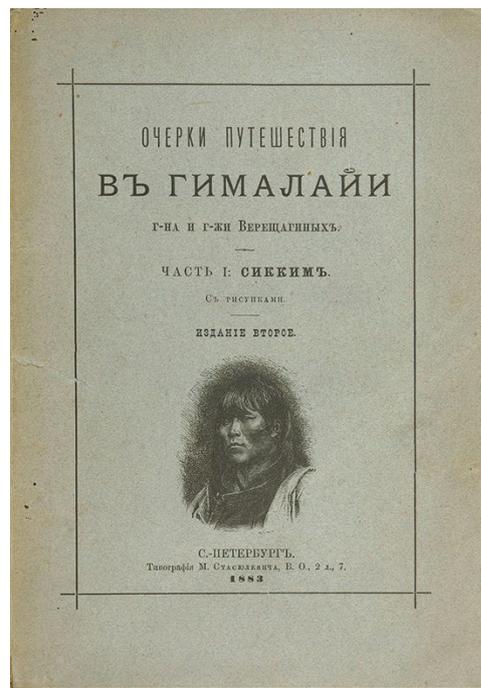

Фото 4. Обложка книги Е. К. Верещагиной «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных».
Photo 4. The cover of E. K. Vereshchagina's book "Essays about a Journey to the Himalayas by Mr. and Mrs. Vereshchagin"

Большой исследовательской удачей для нас стало наличие двух текстов, написанных об одном и том же путешествии не просто разными авторами, но супругами. Тексты Минцлова и Минцловой описывают события одной и той же поездки, что позволит нам быть более точными в установлении различий между сочинениями. Наличие двух разных книг позволяет нам сравнить оптику восприятия тувинцев Минцловым, посланным с секретным поручением, с оптикой сопровождавшей его жены-фотографа¹. Этим, собственно, определяется выбор Урянхайского края и его насельников в качестве объекта рассмотрения. Соответственно, при поиске других текстов мы должны были следовать критериям, обеспечивающим их однотипность: во-первых, политически ангажированная цель путешествия; во-вторых, географическая схожесть; в-третьих, наличие «женского текста».

Также нами было выбрано сочинение Ю. Н. Рериха² «По тропам Срединной Азии», написанное во время трансгималайской экспедиции семейства Рерихов в 1925–1928 гг.³ (фото 3), во время которой они преследовали как духовную цель (поиски Шамбалы), так и политическую (соединить буддизм с коммунистическим движением)⁴.

¹ В начале XX в. появилась фотокамера Kodak No. 3A, которая благодаря своей относительной дешевизне получила массовое распространение. Как полагает Л. Пэйн, благодаря фотографии возник абсолютно новый способ пропаганды. Фотограф, как в случае с К. Д. Минцловой, стал создателем нарративов и историй (Pune, 2021: 87).

² Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) — востоковед, лингвист, этнограф, сын Н. К. Рериха и Е. И. Рерих. Книга «По тропам Срединной Азии» была написана во время их Центрально-Азиатской экспедиции в 1923–1928 гг. В рамках экспедиции Ю. Н. Рерих посетил Ладак, Синьцзян, Монголию, Тибет и Китай. Обширный материал, собранный им в экспедиции, лег в основу нескольких трудов ученого.

³ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. 480 с.

⁴ Данный проект детально проанализирован в книге А. Знаменского «Red Shambhala: Magic, prophesy, and geopolitics in the heart of Asia» («Красная Шамбала: магия, пророчество и геополитика в сердце Азии»). Здесь же он описывает цели экспедиции Н. Рериха (Znamenski, 2011).

К сожалению, дневники Е. И. Рерих оказались для нас менее информативными с точки зрения достижения цели статьи, поэтому мы обратились также к произведению Е. К. Верещагиной¹ «Очерки путешествия в Гималаи» (1874–1876 гг.)² (фото 4), написанному по следам ее путешествия в Гималаи и Индию вместе с мужем — русским художником В. В. Верещагиным.

Цель статьи — провести сравнительный анализ текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха на предмет проявления колониальности и полученные результаты рассмотреть с точки зрения теории гендерного ориентализма.

Методологической основой для статьи выступают постколониальные исследования, появившиеся в середине XX в. как результат осмысления политических процессов деколонизации и перспектив развития постколониальных стран (Саид, 2021; Spivak, 1987; Pratt, 2008).

Особую важность для нас имеет теория гендерного ориентализма, сформировавшая отдельное направление внутри постколониальных исследований. Она была разработана С. Миллз (Mills, 1991), Р. Льюис (Lewis, 2003), Д. Хаддарт (Huddart, 2008). Гендерный ориентализм направлен на изучение положения женщины в колониальном дискурсе ориентализма. Также в статье применяется теория дискурса М. Фуко (Фуко, 1996). Данная теория сыграла важную роль как в становлении постколониальных исследований, так и в развитии филологии.

Теоретико-методологическая основа

Появление непосредственно постколониальной оптики в травелогах исследователи связывают с именем английского писателя Джозефа Конрада и его повестью «Сердце тьмы» (Clarke, 2018: 53-54). Сюжет произведения — рассказ моряка о его путешествиях в Центральную Африку, обличающий жестокость колонистов и бесправное существование колонизированных народов. Писатель отказывается — по крайней мере частично — от риторики спасения, тесно сопряженной с покорением аборигенов и составляющей ядро европейской колониальности (Mignolo, Walsh, 2018: 139). Кларк характеризует Конрада как писателя, оптика которого подразумевает взгляд на этнического Другого как на равного европейцу человека, а не как на объект изучения, жертву, которую необходимо либо спасти, либо сделать предметом экономической эксплуатации. Безусловно, Конрад не был первым писателем, избравшим подобный сюжет. Привлекательным для Кларка и других постколониалистов является то, что повесть Конрада представляет собой реальный травелог, так как в основу произведения лег личный опыт писателя, работавшего в молодости моряком (Gove, 1961: 95–98). Разделение травелогов на реальные и воображаемые является принципиальным моментом в силу жанровых особенностей травелога, на которых мы отдельно остановимся далее.

Важнейший жанровый аспект травелога — рассказ об опыте путешествия, записанный от первого лица, часто — в виде дневника. Проза, написанная от первого лица, в филологии носит название лирической. Особенность лирической прозы заключается в ее замкнутости на повествователе, субъективности ее художественного мира. Мир такого текста — это внутренний мир повествователя, то есть автора. Однако американская исследовательница С. Бертон, применив концепцию теории романа М. М. Бахтина к жанру травелога, выделила в нем особого рода диалогичность — совмещение субъективного и объективного (Burton, 2014: 151–154). Лирический, то есть субъективный, компонент травелога открывает простор для постколониальной, личностной оптики в описании объективного — реалий колониального быта, этнокультурных феноменов и политических процессов. Сюжет

¹ Верещагина Елизавета Кондратьевна (1856–1941), немка, урожденная Элизабет Мария Фишер (Рут), — писательница, первая супруга художника В. В. Верещагина. Принимала участие во всех его небезопасных путешествиях по Сирии, Палестине, Индии, Тибету и Гималаям. Адмирал Скрыдлов так описывает ее в своих воспоминаниях о Верещагине: «Он мне сам лично говорил, очень обязан был этой женщине. Он никогда не был в такой опасности, как лазая по Гималаям; он там чуть не умер от голода и холода. Никогда он не думал, чтобы в таком маленьком существе было столько энергии и бодрости... интересно было видеть в ней ту, которая своей громадной любовью и поклонением крупному таланту вселила в трудные минуты столько бодрости в его душу, что спасала его от смерти на краю отчаяния» (Скрыдлов Н. И. Воспоминание адмирала Н. И. Скрыдлова о В. В. Верещагине. СПб.: Тип. Э. Манасевича [Электронный ресурс] // Волгоградская областная универсальная научная библиотека. URL: https://www.booksite.ru/vereschagin/4_2.html (дата обращения: 10.05.2023)).

² Верещагина Е. К. Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных : в 2 ч. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1883. Ч. I. Сикким. 86 с.

литературы путешествий, таким образом, — это описание не только процесса «открытия» далекой незнакомой земли, но и того, что американский исследователь Х. Баба назвал «переоткрытием себя» (Bhabha, 1994: 80–81). Неслучайно травелоги часто содержат в себе мотивы ностальгии (Rosaldo, 1989: 109–111).

Из вышеописанного следует, что литература путешествий, рассмотренная в постколониальной оптике в силу своих жанровых особенностей, способствует выявлению новых идентичностей и нового языка. Особенно ярко это выражается в реальных травелогах, основу сюжета которых составляют воспоминания или дневники реальных путешествий. Воображаемый же травелог более склонен к использованию устоявшихся литературных нарративов, поскольку основывается на вымысле.

Если обратиться к собственно постколониальным исследованиям, то в центре внимания исследователей — проблема сохранения колониальных иерархий и власти Запада в постколониальном мире. Огромный вклад в развитие постколониального дискурса внес американский литературовед Э. Саид, сформулировавший концепцию ориентализма — структуры властных отношений Запада и Востока (Саид, 2021). Согласно Саиду, Восток — в том виде, в котором он изображен в западной культуре, — является изобретением Запада, которое и легло в основу установления доминанции западного мира над восточным.

Другим крупнейшим теоретиком постколониальной мысли стала Г. Ч. Спивак, американский философ индийского происхождения (Spivak, 1987). Спивак продолжает линию, заданную Саидом, раскрывая генеалогию формирования колониального сознания в Индии, а также образа «гомогенной» Индии, сконструированного британской метрополией. Помимо этого Спивак привносит в постколониальные исследования феминистический дискурс, который в дальнейшем окажет влияние на появление теории гендерного ориентализма.

Широкий исследовательский интерес постколониальная теория обретает в конце XX столетия во многом благодаря М. Л. Прэтт, американской исследовательнице, поместившей теории ориентализма в мировой контекст (Pratt, 2008). Прэтт обращается к литературе путешествий, прослеживая историю эволюции европейской колониальности. Точкой отсчета этого процесса исследовательница считает начало эпохи географических открытий, а саму природу колониальности связывает с европейской картиной мира эпохи Нового времени — прежде всего, со свойственной ей установкой на рациональность.

Постколониальная перспектива позволяет выявить в травелогe диалогичность субъективного и объективного, что находит свое выражение в так называемых «контактных зонах». Термин «контактная зона», введенный американской исследовательницей М. Л. Прэтт, обозначает появление в тексте голосов колонизированных — элементов транскulturации, то есть взаимовлияния колониальной и колонизированной культур, что в данном случае предстает в форме влияния колонизированного народа на автора (Pratt, 2008: 49–52). Транскulturация подразумевает, прежде всего, эгалитарное сосуществование культур, исключающее колониальную иерархию. Важно заметить, что взаимовлияние не формирует монокультурность, пусть и разнородную по своей природе, а, напротив, сохраняет поликультурное состояние. Принципиальнейшим условием последнего является пограничное мышление, охарактеризованное венесуэльским антропологом Ф. Коронилем как «точка схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текущие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» (Coronil, 1995: xvii–xix). Превращение границы в центр и «текучесть», то есть динамичность, транскulturальных идентичностей удачно согласуются с тезисом Х. Баба о травелогe как «переоткрытии себя» (Bhabha, 1994: 80–81).

Исходя из этого, можно заключить, что основу травелога составляет процесс изучения колонизированной культуры, поиск этнического Другого и подходящего для его описания нарратива, а в случае постколониального травелога — освобождение от колониального нарратива. Необходимо отметить, что все описанное применимо, прежде всего, к текстам, создававшимся с конца XIX в., что объясняется культурно-исторической атмосферой эпохи, связанной с кризисом Нового времени и его колониальными установками.

Следовательно, жанр травелога способствует формированию постколониальной оптики, однако последнее вовсе не является универсальной характеристикой всей литературы путешествий, поскольку большое значение в ней имеет личностный фактор.

Теория гендерного ориентализма, разработанная в конце XX в. такими британскими и американскими исследователями, как С. Миллз (Mills, 1991), Р. Льюис (Lewis, 2003), Д. Хаддарт (Huddart, 2008), явила собой отдельное направление в постколониальных исследованиях. В центре внимания гендерного ориентализма — место женщины в ориенталистском дискурсе. Данное направление родилось в результате критики Эдварда Саида (Саид, 2021), автора концепции ориентализма, рассматривавшего колониальные отношения Запада и Востока сугубо в маскулинном спектре, упуская тем самым гендерный аспект этих процессов (Lewis, 2003: 15–18).

Критики Саида показали, что европейская или западная женщина занимает в ориенталистском дискурсе промежуточное положение между колонизатором и колонизированным. Вывод этот был достигнут посредством анализа работ женщин-путешественниц — писательниц и художниц XIX в., показавшего, что в отношении представителей ориентализированных народов женщины склонны скорее к сочувствию, чем к позиции колонизатора-покорителя. Связано это с тем, что в европейском/западном обществе женщины сами находятся в субалтерном, то есть подчиненном, положении. Гендерная субалтерность, следовательно, не дает женщине возможность занять положение превосходства, принадлежащее европейскому/западному мужчине (Mills, 1991: 3–8).

Однако и женский взгляд также не лишен колониальных установок. Невзирая на то, что европейская/западная женщина сочувствует колонизированному субалтерну — как правило, другим женщинам, выходом из подчиненного положения для колонизированных женщин она видит европейскую/западную модель жизни:

«Хотя женщины-писательницы часто выражали сочувствие «туземным» женщинам или критиковали колониальную администрацию, было бы ошибкой воспринимать это как отвлеченный феминистский гнев. Помимо личного консерватизма многих женщин-путешественниц, протофеминистская забота о «местных» женщинах была сама часто конструируема теми же представлениями о белом превосходстве и цивилизации (индийские женщины угнетаются своими мужчинами и должны быть освобождены их более продвинутыми белыми сестрами)» (Lewis, 2003: 22; здесь и далее переводы А. С. Сахарова).

Данный аспект свидетельствует о сохранении в мировоззрении женщин-писательниц риторики спасения — одного из ключевых элементов европейской колониальности, подразумевающего спасение «отсталых туземцев» более развитыми европейцами посредством навязывания своей культуры и религии христианства.

Объяснение этой амбивалентности Р. Льюис находит в теории дискурса и власти М. Фуко. Для Фуко дискурс — это борьба за власть устанавливая те или иные смысловые единицы. Эта борьба реализуется посредством создания текстов, высказываний, речей и практик, содержащих в себе то или иное конкурентное знание. Занять определенную позицию в дискурсе — значит вступить во властные отношения (Фуко, 1996: 38–41). Поскольку дискурс по природе своей не гомогенен, напротив — для него характерна гетеротопия, то есть наличие внутренних противоречий, то «...анализ конфликтов, присущих дискурсивной формации, отмеченной терминами пола и расы, позволил бы увидеть точки сопротивления внутри воображаемого единства ориенталистского дискурса» (Lewis, 2003: 151). Как полагает Льюис, именно гегемонистская способность ориенталистского дискурса сохранять превосходство, даже когда он сталкивается с вызовами, объясняет его долговечность. Свои противоречия высказываний — как гендерных, так и расовых — могут, таким образом, выявить некоторые фикции ориенталистского дискурса и имперской власти (там же: 151).

С учетом описанных теоретических предпосылок мы попробуем выявить специфику колониального дискурса в травелогах супругов Минцловых, Е. К. Верещагиной и Ю. Н. Рериха. Работы двух последних авторов были избраны, так как они описывают их путешествия в Гималаи и встречи с культурой тибетцев и гималайских народов.

Антиколониальный аспект женских текстов

Для того, чтобы выделить непосредственно гендерный аспект травелогов, нам необходимо провести сравнение выбранных нами женских текстов с мужскими. Антиколониальный пафос сочинений Верещагиной и Минцловой обеспечивается, прежде всего, безоценочным описанием быта

местных жителей. Даже отрицательные стороны жизни, например бедность или желание обмануть путешественников, не подвергаются моральной или эмоциональной оценке:

«Довольно просторные юрты были обтянуты грязными кошмами; посреди одной горел огонь, и в котле над ним кипела какая-то мутная жидкость, весьма непривлекательного вида. Хозяйка объяснила, что это сойотский чай»¹.

Минцлов же выказывает подчеркнутое презрение и отвращение по отношению к местным. Так, например, он описывает эпизод из встречи с ламами:

«Босоногий “архиерей” взял чашку и жадно принялся отхлебывать из нее горячий напиток; сидевшие по бокам его, получив от Жужела по куску хлеба, бесцеремонно макали их в чашку у самого рта пившего, затем хватили за ее край грязными пальцами, притягивали к себе, и глотали в свою очередь; свободный от занятий моргал в это время глазами и чавкал хлеб, как свинья в корыте. Вся орда их, человек шесть-семь, напилась наконец чаю, но продолжала сидеть, видимо ожидая какой-нибудь подачки с нашей стороны. Нет-нет и кто-нибудь из них рыгал так, словно у него взрывало петарду в животе, но несмотря на всю галантность такого поведения, я не дал им даже обычной подачки — кусков сахару: очень уже определенно враждебны были чумазные рожи всего их синклита»².

Подобными интонациями сопровождается все сочинение Минцлова. Отдельно стоит рассмотреть следующий отрывок:

«Странное чувство рождалось при мысли о том, какое бесконечное пространство отделяет нас от цивилизованного мира; слегка жутко было от сознания затерянности и одиночества среди пустынь и дикарей»³.

Этот неброский на первый взгляд отрывок обнажает характерную черту колониального мышления автора — оппозицию «дикость — цивилизация», составляющую основу европейской колониальности. В травелогах Верещагиной и Минцловой подобные мотивы отсутствуют.

Приведенный отрывок примечателен еще и тем, что следует сразу после него: «И, вместе с тем, какое счастье видеть и ощущать вокруг себя пустыню, быть таким затерянным!»⁴

Столь резкая смена интонации неслучайна. Описание природы занимает в травелогe Минцлова особое место:

«Красота — куда ни оглянись — была неопишная! И что за изумительное зрелище должно там быть во время грозы и половодья!»⁵.

Восхищение и художественные усилия, с которыми Минцлов описывает природу, составляет немаловажный колониальный нарратив, берущий начало в эпохе романтизма. Восторг колонизатора перед природой — это восторг перед диким началом, чистой стихией, содержащей в себе потенциал для освоения и покорения:

«Красота раздвигалась необычайная. Мы ехали по узенькой полоске земли, шириною не более двух-трех аршин, разделявшей две, чудовищной глубины, пропасти: громадные деревья, росшие на дне их, казались вершковыми прутиками. Слева, закрывая полмира, вздымались взъерошенные головы гор; справа раздвигалась бесконечная, желтая даль степей, с синевшими кое-где озерами; обширнейшее из них — Соляное, поставляющее соль на весь Урянхай»⁶.

Местные же жители предстают досадной преградой перед этим капиталом или вовсе — нервирующим изъяном, как это показано у Минцлова. На существование этого нарратива в колониальной литературе указал филолог Е. Пономарев применительно к сочинениям Гумбольдта:

«Америка предстает у Гумбольдта царством божественной Природы, в которой почти нет человека (это роднит Гумбольдта с научным травелогом линнеевской эпохи). Но если ранее детальность описаний апеллировала к ценностям, лежащим вне текста, здесь грандиозный описательный проект живет прямо в тексте: в центре повествования — ощущение грандиозности Природы как таковой. Этот взгляд, связанный уже не с сентименталистским, а с романтическим мышлением, возвращает нас ко взгляду первых ко-

¹ Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград: Рассвет, 1915. С. 45.

² Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. С. 128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 90.

лонизаторов, видевших «новый континент» первозданным невозделанным миром, не организованным ни политически, ни экономически» (Пономарев, 2020: Электр. ресурс).

В отличие от Минцлова Верещагина и Минцлова описывают природу безэмоционально. В описании природы они ограничиваются замечаниями скорее географического характера — ландшафтом, климатом и фауной:

«Тераи — лес, через который мы должны были проезжать, — очень дик и густ; в ближайших окрестностях его до сих пор еще водятся тигры и дикие слоны. Леса по направлению Непала еще более дремучие и считаются лучшими местами охоты за помянутыми зверями. Вся окрестность предгорий занята здесь чайными плантациями, всюду торчат обгорелые пни выжженного под плантации леса. Чайные кусты невысоки, круглы, аккуратны формою, похожи на розовые, только шипов к счастью нет»¹.

Большое внимание Верещагина и Минцлова уделяют деталям быта местных жителей — устройству дома и хозяйства, праздникам и одежде:

«Надобно заметить, что здешние женщины не столь любят всевозможные мишурные украшения из меди, фальшивых перлов и т. п., до которых так падки их сестры Пиренейских долин. Они носят только золотые и серебряные вещи с украшениями из бирюзы, сердолика и в особенности янтаря — этот последний в большом почете у них»².

Верещагина без всякого осуждения отмечает, что местные жители хотят получить «настоящую цену вещи», на стоимость которой влияет ее родовая древность:

«Некоторые из этих вещей нам удалось купить, разумеется, по высокой цене, так как всякий продающий хочет получить настоящую цену вещи, но и стоимость ее, как памяти, наследованной от отца, деда, прадеда. Например, туземцы носят талисманы, или зашитые в одежду, или заключенные в серебряных ящиках довольно искусной работы и оригинальной местной работы. Вещи эти передаются обыкновенно из рода в род; и можно себе представить, сколько надобно набавлять цену, чтобы заставить бравого горца расстаться с такою святостью»³.

В отличие от своей жены и другой писательницы — Верещагиной — Минцлов описывает быт аборигенов неохотно, а если описывает — чаще всего возвращается к презрительному тону или иронии:

«Среди одной из зеленых долин впервые мы увидели две юрты — большие, круглые шалаши из жердей, покрытые сверху грязными, рваными кошмами. Мы подъехали ближе и пошли осматривать их. Среди юрты имелся небольшой очажек с тлевшими углями; земля кругом него была покрыта такими же кошмами; кучки тряпья, пара деревянных чашек — вот и вся утварь, хранившаяся внутри. Несколько человекоподобных существ копошилось у входа: грязные, растрепанные, полуголые, они производили отвратительное и жалкое впечатление. Порывистые ухватки их, движенья, взгляды — все было точною копией обезьяньих»⁴.

Его описание не просто подчеркнуто оценочно, но и в высшей степени негативно окрашено.

Внимание женщин-писательниц к бытовым деталям можно объяснить тем сочувствием и поиском личности в колонизированном субалтерне, о котором пишут теоретики гендерного ориентализма, а также их собственной ролевой погруженностью в быт, определенной их местом в маскулинном патриархальном обществе. Также, как было показано выше, писательницы менее склонны к открытым проявлениям шовинизма, а также романтизации природы, чем изобилует сочинение Минцлова, — что тоже можно рассматривать как проявление антиколониальных интенций в творчестве путешественниц.

Колониальный аспект

Безоценочность и беспристрастность, с которыми составлены травелоги Верещагиной и Минцловой⁵, указывают на существенное влияние этнографической литературы на стиль писательниц. До-

¹ Верещагина Е. К. Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных : в 2 ч. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1883. Ч. I. Сикким. С. 3.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. С. 57.

⁵ Как нам удалось выяснить, К. Д. Минцлова (К. Бодиско) окончила Демидовское учебно-воспитательное заведение, где обучалась в период с 1901 по 1904 г. (Центральный государственный исторический архив СПб, ф. 358, оп. 1, д. 1658). Данное заведение представляло собой целый комплекс средних и высших школ,

казательством этому служат: строгая структурированность, отсутствие личной рефлексии, формальный стиль и фиксация деталей быта и природы. Но при этом нельзя забывать, что Верещагина и Минцлова не были учеными, следовательно, были свободны в выборе формата сочинений и могли бы отказаться от требований академичности, но не сделали этого.

Этнографические элементы в их литературном описании путешествия, с нашей точки зрения, следует трактовать как влияние колониального дискурса. Не имея специального этнографического образования, обе писательницы следуют установке на исследование, а не на художественное или личностное письмо. В результате в их книгах обнаруживается ключевая черта этнографического текста — объективация тех, кто описывается. Перуанский социолог А. Кихано характеризовал отношения колонизатора и колонизированного как отношения субъекта и объекта, выделяя в этом наследие картезианской философии (Quijano, 2007: 174). Колонизированный субалтерн, таким образом, — это объект изучения, а не личность.

Наиболее наглядно проявление субъектно-объектных отношений с колонизированными народами можно рассмотреть на примере книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», посвященной Трансгималайской экспедиции семейства Рерихов. Книга выдержана в полноценном этнографическом стиле, со всеми присущими ему требованиями академичности, которые мы обозначили выше. Одно из отличий текста Рериха от текстов Верещагиной и Минцловой — большее внимание к географии, истории и политическим событиям, нежели быту, что продиктовано его профессиональным статусом востоковеда. Второе отличие — глубоко детальное описание мест и событий, снабженное подробными комментариями, как правило, исторического характера:

«Дорога проходила через перевал Намике на высоте 13000 футов. Подъем очень пологий, и после перехода через перевал дорога ведет в долину Кхарбу, представляющую интерес многочисленными разрушенными замками, которые венчают голые вершины гор. Это место было ареной боевых действий в период правления короля Дел-дена (Де-лдан рнам-ргьял, 1620–1640 гг.)»¹.

Подобные фрагменты в книге Рериха встречаются повсеместно и полностью отсутствуют у Верещагиной и Минцловой, что объясняется профессиональной компетенцией Рериха как ученого. Более того, Рерих имел необходимость в подробном ведении записей для своей дальнейшей научной работы, в то время как Верещагина и Минцлова не были стеснены таковой и потому писали, руководствуясь лишь собственными впечатлениями.

Тем не менее, типологически тексты Рериха, Верещагиной и Минцловой похожи. Можно сделать вывод, что вместе с этнографической формой Верещагина и Минцлова переняли и колониальный дискурс. Поскольку колониальный дискурс патриархален по своей природе, присутствие в нем женщины родило внутреннее противоречие, о котором писала Льюис, что и сформировало антиколониальные мотивы в сочинениях писательниц (Lewis, 2003: 150–151).

Сдержанный тон рассмотренных нами женских текстов амбивалентен. С одной стороны, он перенимает и воспроизводит колониальный — в данном случае выраженный в этнографической форме — дискурс, с другой — противостоит ему, не развивая романтических и шовинистических нарративов, широко представленных в травелогe Сергея Минцлова.

Произведения Верещагиной и Минцловой демонстрируют пример поиска феминного письма, генеротопически замкнутого в маскулинном колониальном дискурсе и одновременно, в показанных

сочетавших первоклассное для своего времени общее и профессиональное образование воспитанниц. Руководство школы стремилось формировать у воспитанниц навыки и умения работы с передовыми на тот момент техническими средствами, например, пишущей машинкой (Шевелев, 2017: 35). Вероятно, Е. Бодиско (К. Д. Минцлова) именно там овладела навыками фотографирования. Имея педагогическое образование, полученное в Демидовском учебно-воспитательном заведении, она занималась образовательной деятельностью. В период с 1912 по 1915 г. заведовала коммерческим училищем, которое основала совместно с мужем. К сожалению, данных об образовании и роде деятельности Е. К. Верещагиной мы не нашли. Объясняется это, во-первых, ее иностранным происхождением, во-вторых, обстоятельствами ее семейной жизни с Верещагиным, который фактически вычеркнул девятнадцатилетний период их семейной жизни из-за ее неверности (Алексеева-Маркезин А. Личная жизнь Верещагина // Проза.ру. 2021. 18 октября. URL: <https://proza.ru/2021/10/18/1119> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. С. 8.

нами аспектах, проявляющего свою антиколониальную феминную природу посредством свободы, предоставленной жанром травелога.

Заключение

Проанализировав сочинения о путешествиях К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха, мы обнаружили ряд принципиальных различий и сходств, обусловленных в том числе гендерной принадлежностью авторов. В сочинениях Минцловой и Верещагиной отсутствует романтизация природы — важный колониальный нарратив эпохи Просвещения, широко представленный в тексте С. Минцлова. Также в женских сочинениях выявлен интерес к бытовой жизни колонизированных народов, чего нельзя сказать про тексты Минцлова, выказывающего открытое презрение к местному населению, и Рериха, более заинтересованного в исторических и политических темах.

Вместе с этим нами было обнаружено существенное влияние этнографического жанра на тексты Минцловой и Верещагиной, препятствующее полному раскрытию сочинений как травелогов, на что указывают строгая структурированность текста, отсутствие личностной рефлексии и формальный стиль. Подражая этнографическому стилю, женщины-авторы тем самым развивали колониальный дискурс, со свойственной ему колониальной оптикой — восприятием колонизированного как объекта для изучения.

Подводя итог, можно заключить, что произведения Минцловой и Верещагиной амбивалентны: с одной стороны, они заключены в рамки колониального дискурса и развивают его, с другой — вступают в противоречие с его маскулинными патриархальными установками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пономарев, Е. Р. (2020) Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 1 (161). URL: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (дата обращения: 10.03.2023).

Саид, Э. В. (2021) Ориентализм. М. : Музей современного искусства «Гараж». 560 с.

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Фуко, М. (1996) Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум ; Касталь. 448 с.

Шевелев, А. Н. (2017) Демидовские учебные заведения дореволюционного Петербурга (к 170-летию со дня основания) // Историко-педагогический журнал. № 1. С. 27–37.

Bhabha, H. K. (1994) The location of culture. London ; New York : Routledge. xiv, 285 p.

Burton, S. (2014) Travel narrative and the ends of modernity. New York : Cambridge University Press. ix, 255 p.

Clarke, R. (2018) History, memory and trauma in postcolonial travel writing // The Cambridge companion to postcolonial travel writing / ed. by R. Clarke. Cambridge : Cambridge University Press. xxxvii, 251 p. P. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316597712.005>

Coronil, F. (1995) Transculturation and the politics of theory: Countering the center, Cuban counterpoint // Ortiz F. Cuban counterpoint, tobacco and sugar. Durham : Duke University Press. lxix, 312, xiii p. P. ix–lvi.

Gove, Ph. B. (1961) The imaginary voyage in prose fiction: A history of its criticism and a guide for its study, with an annotated check list of 215 imaginary voyages from 1700 to 1800. London : The Holland Press. xi, 445 p.

Huddart, D. (2008) Postcolonial theory and autobiography. London ; New York : Routledge. vi, 199 p.

Lewis, R. (2003) Gendering orientalism: Race, femininity and representation. London ; New York : Routledge. xiv, 267 p.

Mignolo, W., Walsh, C. E. (2018) On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Mills, S. (1991) Discourses of difference: An analysis of women's travel writing and colonialism. London ; New York : Routledge. viii, 232 p.

Mukharji, T. N. (1889) A visit to Europe. Calcutta : W. Newman ; London : Edward Stanford. 404 p.

Pratt, M. L. (2008) Imperial eyes: Travel writing and transculturation. 2nd ed. London ; New York : Routledge. xiv, 276 p.

Pyne, L. (2021) Postcards: The rise and fall of the world's first social network. London : Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity / rationality // *Cultural Studies*. Vol. 21. Issue 2–3. P. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Rosaldo, R. (1989) Imperialist nostalgia // *Representations*. Vol. 26. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928525>

Spivak, G. Ch. (1987) *In other worlds: Essays in cultural politics*. New York : Methuen. xix, 309 p.

Znamenski, A. A. (2011) *Red Shambhala: Magic, prophecy, and geopolitics in the heart of Asia*. Wheaton, IL : Quest Books. xxv, 268 p.

Дата поступления: 15.03.2023 г.

Дата принятия: 20.04.2023 г.

REFERENCES

Ponomarev, E. R. (2020) Postkolonial'naia teoriia i literatura puteshestvii. Vzgliad iz Rossii [Postcolonial theory and travel writing: A View from Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161) [online] Available at: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (accessed 10.03.2023). (In Russ.).

Said, E. W. (2021) *Orientalizm [Orientalism]*. Moscow, The Garage Museum of Contemporary Art. 560 p. (In Russ.).

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Vizual'naia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste byta v nachale XX veka [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the XX century]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Foucault, M. (1996) *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality]*. Moscow, Magisterium ; Kastal'. 448 p. (In Russ.).

Shevelev, A. N. (2017) Demidovskie uchebnye zavedeniia dorevoliutsionnogo Peterburga (k 170-letiiu so dnia osnovaniia) [Demidov educational institutions in pre-revolutionary Petersburg (The 170th anniversary of their foundation)]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.).

Bhabha, H. K. (1994) *The location of culture*. London; New York, Routledge. xiv, 285 p.

Burton, S. (2014) *Travel narrative and the ends of modernity*. New York, Cambridge University Press. ix, 255 p.

Clarke, R. (2018) History, memory and trauma in postcolonial travel writing. In: *The Cambridge companion to postcolonial travel writing* / ed. by R. Clarke. Cambridge, Cambridge University Press. xxxvii, 251 p. Pp. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316597712.005>

Coronil, F. (1995) Transculturation and the politics of theory: Countering the center, Cuban counterpoint. In: Ortiz, F. *Cuban counterpoint, tobacco and sugar*. Durham, Duke University Press. lxxix, 312, xiii p. P. ix–lvi.

Gove, Ph. B. (1961) *The imaginary voyage in prose fiction: A history of its criticism and a guide for its study, with an annotated check list of 215 imaginary voyages from 1700 to 1800*. London, The Holland Press. xi, 445 p.

Huddart, D. (2008) *Postcolonial theory and autobiography*. London ; New York, Routledge. vi, 199 p.

Lewis, R. (2003) *Gendering orientalism: Race, femininity and representation*. London ; New York, Routledge. xiv, 267 p.

Mignolo, W. and Walsh, C. E. (2018) *On decoloniality: Concepts, analytics, praxis*. Durham, Duke University Press. xii, 291 p.

Mills, S. (1991) *Discourses of difference: An analysis of women's travel writing and colonialism*. London; New York, Routledge. viii, 232 p.

Mukharji, T. N. (1889) *A visit to Europe*. Calcutta, W. Newman ; London, Edward Stanford. 404 p.

Pratt, M. L. (2008) *Imperial eyes: Travel writing and transculturation*. 2nd ed. London; New York, Routledge. xiv, 276 p.

Pyne, L. (2021) *Postcards: The rise and fall of the world's first social network*. London, Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity / rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Rosaldo, R. (1989) Imperialist nostalgia. *Representations*, vol. 26, pp. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928525>

Spivak, G. Ch. (1987) *In other worlds: Essays in cultural politics*. New York, Methuen. xix, 309 p.

Znamenski, A. A. (2011) *Red Shambhala: Magic, prophecy, and geopolitics in the heart of Asia*. Wheaton, IL, Quest Books. xxv, 268 p.

Submission date: 15.03.2023.

Acceptance date: 20.04.2023.